

Борис РУБАШКИН:

ХОЧУ, ЧТОБЫ ДОЧЬ ГОВОРИЛА ПО-РУССКИ

И хотя мать моя была по национальности болгаркой, мы все разговаривали в семье по-русски. По-русски читали стихи и справляли праздники, по-русски мочили арбузы и квасили капусту. И уж, конечно, пели...

Тоска по родине. Я полагаю, что она есть у каждого эмигранта, каждого беженца, будь то русский, болгарин или испанец. И поддерживать любовь к родине, сохранить связь с ней — вдаль от нее — можно только через традиции, сохранение национальных черт в укладе своей жизни, в быту.

— Вы тоже ощущали ностальгию?

— В детстве и юности, наверное, нет. Но, знаете, при том, что я доволен всем тем, что сейчас имею, на меня иногда все же накатывает тоска. Когда в 1952 году я со своим ансамблем ехал в Хельсинки на Олимпийские игры через Ленинградскую область, то не мог оторваться от окна вагона. Другие читали, разговаривали, играли в карты, а я смотрел и смотрел в окно...

— К тому времени вы уже были достаточно известным исполнителем не только русских песен, но и оперных партий. С чего начался ваш творческий путь?

— С балета. После окончания в Чехословакии экономического института я танцевал в хореографическом ансамбле в Праге, а затем в Венской государственной народной оперетте. Там же, в Вене,

горячему приему, который нам здесь оказывают, мы были на правильном пути...

— Надо признать, что некоторые русские песни, исполненные вами, оказались подлинным откровением для многих слушателей, пришедших на концерт в Театр эстрады. Однако есть и такие, кто весьма скептически относится к присутствию в вашем репертуаре «одесских» песен.

— Так называемые «блатные», или «одесские» песни есть не что иное, как устное творчество народа — фольклор, из которого пришел в песню и я. К нему можно относиться по-разному, но запретить его нельзя. Сейчас, как мне кажется, одесский фольклор продолжает развиваться, и если вдруг найдется кто-то, кто обработает и запишет его, то это будет одно из интереснейших исследований в современной культуре.

— Ваш приезд в СССР — своего рода первая ласточка в установлении непосредственных контактов между советской публикой и творческой интеллигенцией — нашими соотечественниками на Западе. В чем вы видите ценность и перспективы такого общения?

— Прежде всего я твердо знаю, что нет ни одного русского, проживающего за границей, который не любил бы свою Родину. И мы, дети эмигрантов, были бы очень счастливы, если бы смогли постоянно поддерживать с ней связь.

С другой стороны, каждый из нас мог бы принести на Родину что-то ценное и поделиться этим со своими соотечественниками.

— Я знаю, что в Советском Союзе у вас есть родственники. Вы с ними поддерживаете какие-нибудь контакты?

— В Волгограде у меня живет дядя, а в Минске двоюродная сестра, с которыми я стараюсь поддерживать связь. К сожалению, до недавней поры делать это было не так-то просто. Сейчас я разыскиваю родственников своего отца, Семена Терентьевича Черноубашкина, жившего на хуторе Заполянка в Ростовской области. И я буду рад, если кто-то из них или из тех, кто знает что-то об их судьбе, откликнется.

— Ваш отец сделал многое для того, чтобы вы ощущали себя русским, чувствовали полноту бытия. Какое место в вашей жизни занимает ваша нынешняя семья? Продолжаете ли вы развивать в ней традиции, заложенные вашим отцом?

— Моя жена — болгарка. Дочь, Албена, изучает в Венском университете иностранные языки: испанский, итальянский, но мне бы очень хотелось, чтобы она приехала учиться в Советский Союз, своими глазами увидела то, о чем мы постоянно говорим в семье. Мечтаю, чтобы она свободно говорила по-русски.

Вообще, семья для артиста — это окружение дорогих сердцу людей, в котором можно найти покой, отдохнуть после тяжелой работы, обсудить все проблемы. Это место, куда можно позвать друзей, поговорить с ними и повеселиться, чтобы затем снова сконцентрироваться на работе.

— Наверное, в вашей гастрольной жизни делать это удастся не так уж и часто? Ваша семья не против ваших длительных отлучек из дома?

— Моя семья мною гордится.

Беседу вел Виталий МУХИН.
Фото И. Флиса.

Рядом с названием страны, которую он представляет, — Австрия — его русские имя и фамилия на афишах выглядят если не странно, то по меньшей мере вызывают вопросы. Тем не менее широко известный на Западе и у нас в стране исполнитель русских песен Борис Рубашкин никогда не жил в Советском Союзе.

— Об этом очень важно сказать, — говорит он, — поскольку нередко приходится слышать вопросы, почему я уехал за границу. А я туда не уезжал — я там родился.

— И тем не менее вы русский. Это ощущается и по лишенной какого бы то ни было акцента речи, и по той готовности, с которой вы выразили желание дать в ходе гастролей в СССР благотворительный концерт, и по самой атмосфере, в которой проходят ваши выступления.

— Всем русским, что есть во мне, я обязан своему отцу — донскому казаку, покинувшему Россию в девятнадцатом году. Это было сложное и трагическое время. Шла война: стреляли — бежали. Отцу тогда было всего семнадцать лет, по существу — начало биографии...

Так он оказался в Турции, потом в Болгарии. В Болгарии тогда была одна из самых больших русских общин за границей. Действовали там русские клубы, церкви.

впоследствии стал петь русские песни в одном дорогом русском ресторане, где меня услышала профессор Венской певческой академии Мария Брандт и посоветовала брать уроки вокала. А вскоре после этого представитель одной швейцарской фирмы грамзаписи предложил мне записать долгоиграющую пластинку.

В 1969 году я начал работать над «Казачком», который в семидесятом произвел настоящий переполох в музыкальной жизни Парижа, четырнадцать недель подряд возглавлял список лучших песен в хитпарадах.

После этого я пел баритоновые партии в Зальцбургском оперном театре, учился у Марио дель Монако, гастролировал с Венской оперой в Колумбии, Чили, Бразилии, других странах. Параллельно я продолжал работать с моим балалаечным оркестром. Это, как правило, настоящие профессионалы из числа русских соотечественников, проживающих за рубежом. Как и я, они развивали в творчестве те традиции, которые культивировали в семье их отцы и матери. Мы не знали, как эти традиции развивались на родине, но судя по тому